

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ  
БЕСТСЕЛЛЕР



**ЛИДИЯ**  
**САЛЬВЕР**

НЕ ПЛАКАТЬ



Москва  
2016

УДК 821.133.1-31  
ББК 84(4Фра)-44  
С16

Lydie Salvayre  
PAS PLEURER  
© Editions du Seuil, 2014  
Фото автора © Martine Heissat

Перевод с французского *Нины Хотинской*  
Художественное оформление *Андрея Старикова*

**Сальвер, Лидия.**  
С16 Не плакать / Лидия Сальвер ; [пер. с фр. Н. О. Хотинской]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 288 с. — (Интеллектуальный бестселлер).

ISBN 978-5-699-87393-7

Роман «Не плакать», удостоенный в 2014 году Гонкуровской премии, рассказывает об одной из самых трагических страниц мировой истории — Гражданской войне в Испании. Название романа — строка из письма Марины Цветаевой Борису Пастернаку. И еще это — жизненное кредо героини романа, испанки, которая вспоминает о лете 1936 года. Для страны это было страшное лето войны, а для нее — лето, когда она впервые полюбила, когда дышала полной грудью и была полна планов и надежд.

«Не плакать» — история семьи, которая неотделима от истории страны, раздираемой противоречиями.

УДК 821.133.1-31  
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-699-87393-7

© Хотинская Нина,  
перевод на русский язык, 2016  
© Издание на русском языке, оформление.  
ООО «Издательство «Э», 2016

*¿De qué temes, cobarde criatura?*  
*¿De qué lloras, corazón de mantequillas?*<sup>1</sup>

Сервантес. «Дон Кихот», II, 29

---

<sup>1</sup> Чего ты боишься, трусливое создание? О чем ты плачешь, сердце из коровьего масла? *Перевод с исп. Н. Любимова.*



# 1

Во имя Отца и Сына и Святого Духа Его Пресвященство епископ-архиепископ Пальмы преподобной своей рукою, на которой блестит пастьерский перстень, тычет перед судьями в грудь неимущей сволочи. Это говорит Жорж Бернанос<sup>1</sup>. Ревностный католик это говорит.

Испания, 1936 год. Гражданская война вот-вот разразится, а моя мать из неимущей сволочи. Неимущая сволочь — это бедняк, посмевавший открыть рот. 18 июля 1936 года моя мать откроет рот в первый раз в жизни. Ей пятнадцать лет. Она живет в отрезанной от мира деревушке, где из века в век крупные землевладельцы держат ее семью и другие такие же семьи в крайней бедности.

---

<sup>1</sup> Жорж Бернанос (1888—1948) — французский писатель, участник Первой мировой войны. Будучи римским католиком и монархистом, он выступал рьяным противником буржуазного мышления, которое, по его мнению, привело к падению Франции в 1940 году. *Здесь и далее примечания переводчика.*

В это же время сын Жоржа Бернаноса готовится к бою в траншеях Мадрида, облачившись в синюю форму Фаланги<sup>1</sup>. В эти несколько недель Бернанос думает, что, примкнув к националам, его сын поступил правильно и разумно. Его идеи всем известны. Он поддерживал «Аксьон франсез»<sup>2</sup>. Он восхищается Дрюмоном<sup>3</sup>. Он объявляет себя монархистом, католиком, наследником старых французских традиций, более близким по духу к рабочей аристократии, чем к денежной буржуазии, которую на дух не переносит. Оказавшись в Испании во время восстания генералов против Республики, он не сразу осознал масштаб катастрофы. Но долго искажать очевидное он не может. На его глазах националы приступают к систематической чистке неблагонадежных, а между убийствами католические

---

<sup>1</sup> Испанская Фаланга — крайне правая политическая партия в Испании. Основана в 1933 году Хосе Антонио Примо де Риверой, при авторитарном режиме Франсиско Франко — правящая и единственная законная партия в стране (1936—1975).

<sup>2</sup> «Аксьон франсез» («Action française», «Французское действие») — монархическая политическая организация, возникшая во Франции в 1899 году под руководством Шарля Моррасса и организационно оформившаяся в 1905 году. В 30-х годах приняла профашистский характер.

<sup>3</sup> Эдуард Адольф Дрюмон (1844—1917) — французский политический деятель и публицист, автор широко известной в свое время антисемитской книги «Еврейская Франция» (1886).

сановники отпускают им грехи во имя Отца и Сына и Святого Духа. Испанская церковь легла подстилкой под военных «чистильщиков».

С глубоким отвращением смотрит Бернанос, бессильный что-либо сделать, на этот гнусный сговор. Здравый взгляд на вещи дался ему нелегко, и все же он, отмежевавшись от своих былых симпатий, решается описать то, чему с мукой в душе стал свидетелем.

Он один из немногих в его лагере, кто имел мужество это сделать.

### *A mis soledades voy De mis soledades vengo<sup>1</sup>.*

18 июля 1936-го моя мать в сопровождении моей бабушки предстанет пред очи сеньоров Бургос, которые желают нанять новую прислугу: прежнюю они выгнали под тем предлогом, что от нее пахло луком. Когда наступает время вынесения вердикта, дон Хайме Бургос Обергон оборачивает к своей супруге удовлетворенное лицо и, окинув мою мать взглядом с головы до пят, заявляет непререкаемым тоном, который моя мать так и не смогла забыть: «Она выглядит скромницей». Бабушка рассыпается в благодарностях, как за выс-

---

<sup>1</sup> К моему одиночеству иду, от моего одиночества возвращаюсь (*исп.*).

шую похвалу, но я, говорит мне моя мать, чуть умом не тронулась от этой фразы, мне это была такая обида, как *patada al culo*<sup>1</sup>, милая, *patada al culo*, от которого я сделала *salto*<sup>2</sup> на десять метров внутри себя, от которого вскипел мой мозг, спавший пятнадцать с лишним лет, и мне легче стало понять смысл бесконечных речей, с которыми мой брат Хосе приехал из Леримы. Ну вот, и когда мы вышли на улицу, я как начну гласить (я: голосить) голосить: Она выглядит скромницей, ты понимаешь, что это значит? Потихе, ради всего святого, взмолилась мать, она-то всегда была тише воды ниже травы. Это значит, я кипела, милая, кипела, это значит, что я буду тупой и послушной прислугой! Это значит, что донья Соль будет мной помыкать, а я буду безропотно повиноваться и безропотно убирать за ней срач! Это значит, что у меня на лбу написано «дура душой», что на меня любую работу можно завалить и не будет им со мной никакой докуки! Это значит, что дон Хайме станет мне платить — как ты говоришь? — грошики, а мне вдобавок придется говорить ему *muchísimas gracias*<sup>3</sup>, потупив зенки, я ведь скромница. Господи Иисусе, шепчет моя мать и зыркает испуганно, тише, тебя услышат. А я давай гласить еще громче: Плевать,

---

<sup>1</sup> Пинок в зад (*исп.*).

<sup>2</sup> Прыжок (*исп.*).

<sup>3</sup> Большущее спасибо (*исп.*).

пусть слышат, не хочу я быть поломойкой у Бургосов, лучше в городе шлюхой стану! Ради всего святого, умоляет мать, не говори глупостей. Они нам даже сесть не предложили, говорю я ей, а сама трясусь от злобы, даже руки не пожали, я взомнила (я: вспомнила) я вспомнила вдруг, что у меня надоеда на большом пальце, он перевязан, ну ногтоеда, какая разница, не поправляй меня на каждом слове, не то я никогда не доскажу до конца. Ну вот, а моя мать давай меня урезонивать, давай нашептывать на ухо, какие блага мне надеются, если меня наймут: и кров, и стол, и чистая одежка, а по воскресеньям будешь выходная, ходи танцуй хоту на Церковной площади, жалованье будешь получать и прибавку за год, всё деньги, обеспечишь себе какое-никакое приданое, да еще и в кубышку отложишь. Тут я как взвою: Да я лучше *сомру!* *Dios mio!*<sup>1</sup>, воздыхает мать и зыркает тревожно на два ряда домов вдоль улицы. А я ну бежать со всех ног к себе на чердак. Слава богу, назавтра война началась, так и не пошла я в прислуги ни к Бургосам, ни к кому другому. Война, моя милая, в самую пору тогда пришлась.

Сегодня вечером моя мать смотрит телевизор, и случайная картинка — какой-то человек обращается к президенту Республики — вдруг на-

---

<sup>1</sup> Боже мой (*исп.*).

поминает ей энтузиазм ее брата Хосе по возвращении из Леримы, его юное нетерпение и задор, так его красивший. И все всплывает разом: фраза, брошенная дном Хайме Бургосом Обергоном, ликование июля 36-го, впервые город, эйфория и лицо того, кого она любила без памяти и кого мы с сестрой с детства называем не иначе, как Андре Мальро.

Мою мать зовут Монсеррат Монклус Архона, это имя я счастлива воскресить и извлечь на время из уготованного ему небытия. В рассказ, к которому я приступаю, мне не хочется пока вводить никаких вымышленных персонажей. Моя мать — это моя мать, Бернанос — писатель, чьи-ми «Большими кладбищами под луной» я восхищаюсь, а католическая церковь — опозоривший себя институт, каким она была в 36-м.

### *Fuente es mi vida en que mis obras beben<sup>1</sup>*

Моя мать родилась 14 марта 1921-го. Близкие зовут ее Монсе или Монсита. Ей девяносто лет сейчас, когда она вспоминает для меня свою молодость на этом смешанном запиренейском наречии, которое стало ей родным, с тех пор как

---

<sup>1</sup> Моя жизнь — источник, из которого черпают мои труды (*исп.*).

судьба забросила ее семьдесят с лишним лет назад в деревню на юго-западе Франции.

Моя мать была красива. Мне говорили, что она обладала когда-то той особенной величавой осанкой, что была свойственна испанским женщинам, привыкшим носить на голове *cántaro*<sup>1</sup>, — теперь ее можно увидеть лишь у балерин. Мне говорили, что она не шла, а плыла, прямая и гибкая, точно парус корабля. Мне говорили, что у нее было тело кинозвезды, *а в глазах светилась доброта ее сердца.*

Сегодня она стара, у нее морщинистое лицо, дряхлое тело, неуверенная, валкая походка, но ее прежние, молодые глаза при упоминании Испании 36-го вспыхивают светом, какого я никогда в них не видела. У нее склероз, и все события, пережитые между войной и сегодняшним днем, она забыла начисто. Но ее память хранит во всех подробностях то лето 36-го, когда случилось невообразимое, то лето 36-го, когда, говорит она, ей открылась жизнь, что было, вне всякого сомнения, единственным приключением за весь ее без малого век. Значит ли это, что всего, прожитого после, всего, что моя мать считала своей жизнью на протяжении семидесяти пяти лет, на самом деле для нее не существовало? Порой я так и думаю.

---

<sup>1</sup> Большой кувшин (*исп.*).

Сегодня я снова слушаю, как она ворошит пепел своей канувшей юности, и вижу, как оживает ее лицо, будто вся радость ее жизни сосредоточилась в этих нескольких днях лета 36-го в большом испанском городе, будто ход времени для нее остановился на калье Сан-Мартин 13 августа 1936-го в восемь часов утра. Я слушаю ее воспоминания, а параллельное чтение «Больших кладбищ под луной» Бернаноса омрачает их и дополняет. И я пытаюсь докопаться до причин смятения, которое эти два рассказа вызывают во мне, смятения, которое, боюсь, увлечет меня туда, куда я и не собиралась. Если точнее, я чувствую, как при упоминании этих событий в меня проникают через неведомые мне шлюзы противоречивые и, надо сказать, довольно смутные чувства. Тогда как рассказ моей матери об анархистском опыте 36-го наполняет мое сердце бог весть каким восторгом, детской какой-то радостью, зверства, описанные Бернаносом, столкнувшимся с тьмой души человеческой, с ненавистью и яростью, вновь пробуждают во мне страх, как бы не нашлись негодяи, которые вернут сегодня к жизни эти пагубные идеи, казавшиеся мне давным-давно спящими.

В тот час, когда моя пятнадцатилетняя мать приходит в сопровождении моей бабушки наниматься в прислуги, донья Пура, сестра выше-

упомянутого дона Хайме Бургоса Обергона, сидя неизменно прямо на краешке стула с высокой кожаной спинкой, упоенно читает передовицу газеты «Аксьон Эспаньола»: «Молодой генерал решился взять бразды правления Великой Испанией, неуклонно погрязающей в демократии и социализме, дабы воспрепятствовать нашествию большевиков. Другие генералы, откликнувшись на его призыв, без колебаний объединились вокруг этого незаурядного вождя; пробудились и национальные союзы. Но смогут ли разум, здравый смысл, преданность родине и героизм противостоять низменным аппетитам и животным инстинктам дорвавшихся до власти при поддержке правительства Москвы, которое надеется отравить таким образом все Европейское Средиземноморье?» Вопрос, которым завершается статья, повергает донью Пуру в такую тревогу, что у нее тотчас начинается сердцебиение. Ибо донья Пура страдает сердцебиениями. И хотя врач рекомендовал ей избегать волнений, вызывающих эти сердцебиения, патриотические чувства обязывают ее читать газету националов. Это долг, доктор, говорит она слабеющим голосом.

Следующие дни донья Пура живет в страхе, уже видя, как ее дом будет разграблен, земли украдены, а состояние пущено по ветру Хосе, братом Монсе, и его бандой воров. Тем более